

Szilárd Tibor Tóth, Tartu kirjakeele raamid Johannes Gutsblaffi grammatikast (1648) «Kodolaste raamatuni» (1913), Tallinn 2019 (Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid 52). 247 (9) c.

С XVI и до начала XX века в Эстонии существовали два литературных языка — таллиннский и тартуский. Таллиннский, или северо-эстонский, базировался на средних диалектах северо-эстонской диалектной группы и использовался на большей части территории Эстонии, в 1920 году он стал государственным языком Эстонской Республики. Тартуский, или южно-эстонский язык, основанный на тартуском диалекте южно-эстонской диалектной группы, использовался лишь в 17 церковных приходах юго-восточной Эстонии, в ареале тартуского и вырусского диалектов (для сравнения: в Эстонии тогда было 124 прихода). Диалектные группы сильно различались между собой в фонологии, морфологии и лексикологии и восходили к разным племенным языкам. На тартуском языке издавалась в основном духовная литература. Почти на 30 лет раньше, чем на таллинском языке, был опубликован «Новый Завет» («Wastne Testament», 1686). На тартуском языке недолго издавалась и первая эстонская газета «Tarto maa rahwa Näddali-Leht» (Еженедельник народа Тартуской земли, 1806). Публиковались также азбуки, календари и пр. Первым сохранившимся печатным изданием, содержащим связный текст на тартуском языке (примерно 180 слов), является «Agenda Parva» (Малый служебник) 1622 года. Первым сборником текстов на тартуском языке, сохранившимся до наших дней, считается церковный служебник Йоахима Росиниуса (Joachim Rossihnius; 1632). Первую грамматику южно-эстонского языка «Observationes Grammaticae circa linguam Esthonicam» (1648 год) составил пастор Урвастеского прихода Йоханнес Гутслафф (Johannes Gutsblaff). Она содержит и краткий немецко-латинско-эстонский словарь (около 1800 слов).

Наряду с таллинским языком с 1803 года в Тартуском университете преподавался студентам теологического факультета тартуский язык. В качестве учебника, содержащего грамматику и словарь обоих языков, использовалось пособие публициста, филолога и пастора Августа Вильгельма Гупеля (August Wilhelm Hupel), два издания — в 1780 и 1818 гг. Этому пособию предшествовал рукописный немецко-тартуский словарь с грамматическим очерком (1720-е годы), составленный филологом и пастором Иоганном Кристофом Кларе (Johann Christoph Clare). Интерес к тартускому языку и его истории проявляют лингвисты, литературоведы, фольклористы, религиоведы и книголюбцы.

Диссертация Силарда Тибора Тота — первый научный труд, посвященный полностью истории тартуского литературного языка. Защита ее состоялась 29 августа 2019 года в Таллинском университете. Сначала руководил работой профессор Таллиннского университета Мати Хинт, после его смерти — профессор Таллиннского университета Рейли Аргус и профессор Тартуского университета Хелле Метсланг. Оппонентами выступили доцент Тартуского университета Кюлли Хабиht и заслуженный доцент Таллиннского университета Юри Вийкберг.

В предисловии к работе С. Т. Тот рассказывает о том, как у него возник интерес к эстонскому языку вообще и к вырусскому и тартускому языкам в частности. Еще студентом Будапештского университета он изучал венгерскую, финно-угорскую и русскую филологию, а продолжив учебу в Берлинском университете, кроме финно-угорской филологии, — немецкую и английскую. Интересовался он и древневенгерским литературным языком.

Рецензируемая работа состоит из семи научных статей (с. 107—243). Им предшествует раздел, который объединяет статьи в единое целое и знакомит с историей южно-эстонского литературного языка, причем особое внимание уделяется проблемам кодификации и отмирания языка.

В первой главе этого раздела (с. 13—22) докторант показывает разное отношение исследователей к изучению тартуского языка и литературы в 1940-е годы и в наше время. В кратком обзоре истории исследования проблематика представлена в достаточной мере. Автор определяет место тартуского литературного языка с точки зрения миссионерской лингвистики. Он опирается на печатные источники, теоретически не умаляя значение рукописных материалов. В отличие от некоторых лингвистов, начало упорядочения эстонского языка он датирует первой половиной XVII века (с. 20, 26—27), с чем можно согласиться.

Во второй главе о теоретических предпосылках (с. 23—39) С. Тот критикует работы, авторы которых ругают орфографию старо-эстонских памятников и обвиняют ее в излишнем сходстве с немецкой. Он пытается опровергнуть такие оценки и защитить репутацию старых эстонских литературных языков. Автор прав, когда рассматривает тартуский язык в историческом плане как результат миссионерской и колониальной лингвистики, поскольку целью развития старых эстонских письменных языков было распространение христианства. Далее обосновывается деятельность Гутслаффа как миссионерского лингвиста, занимавшегося упорядочением тартуского языка. Между прочим, рецензент считает уместным соединить первую часть предыдущей главы (1.1) с этой главой.

Диссертант кратко описывает явления, связанные с возникновением и vitalностью конкретных языков, обсуждает уместность некоторых терминов, известных в биологии: англ. *language birth* 'рождение языка', *language death* 'смерть языка', *lingicide* 'убийство язы-

ка'), касательно тартуского литературного языка. Он считает возможным применять для тартуского языка термин «полуискусственный язык». Рецензент не согласен с этим, поскольку сознательное упорядочение любого литературного языка всегда повышает его искусственность. О времени отмирания литературного языка существуют разные мнения. По убеждению С. Тота, существование литературного языка заканчивается выходом в свет последнего печатного произведения (с. 34) на этом языке. Автор приводит примеры о судьбах разных литературных языков мира. Он останавливается также на пейзаже тартуского языка (тексты на надгробных памятниках).

Третья глава (с. 40—65) посвящена одной из самых дискутируемых проблем при исследовании тартуского литературного языка — периодизации его истории. Диссертант исходит из Нового Завета как нуклеарного произведения христианской веры и миссионерской лингвистики. Книга публиковалась на тартуском языке с 1686 по 1905 год, всего 20 изданий. С. Тот различает в развитии тартуского литературного языка четыре периода: 1) до первого издания Нового Завета (1580-е годы — 1685), 2) разных изданий Нового Завета (1686—1905), 3) отмирание тартуского языка (1906—1913) и 4) преемники тартуского языка (с 1914 года до наших дней). Автор дает подробный обзор периодов, сопоставляя их с другими классификациями.

Документированная история тартуского литературного языка началась, по С. Тоту, с рукописных источников конца XVI века. Он упоминает катехизис Франца Витте (Franz Witte(n)) 1554 года. Некоторые ученые исходят из этой даты при периодизации тартуского языка. С. Тот так не считает, поскольку книга не сохранилась и нет уверенности в том, что она написана на тартуском, а не на таллинском языке. К сожалению, диссертант не упоминает несохранившуюся первую книгу на эстонском

языке — катехизис 1525 года. Некоторые ученые допускают, что она была написана на тартуском языке. Не сохранился и катехизис (1585) католика Томаса Бузеуса (Thomas Busaeus). В рукописных текстах конца XVI века северо- и южно-эстонские языковые элементы встречаются вперемежку. *A priori* хотелось бы поместить начало тартуского литературного языка в XVI век, однако, к сожалению, веских аргументов в пользу этого предположения до сих пор нет. Поэтому можно было бы использовать здесь менее определенную формулировку, например: XVI век? (т. е. под вопросом).

Говоря о первом периоде истории тартуского литературного языка, автор останавливается на церковных рукописях и на грамматике Гутслаффа (1648), с которой началась, как он считает, первая попытка кодификации тартуского литературного языка. Заслуживает внимания сравнительный обзор издания первых грамматик в Восточной и Северной Европе. По мнению автора этих строк, начало заглавия диссертации «Tartu kirjakeele raamid...» (Рамки тартуского литературного языка) не совсем точно. Следовало написать «Normeeritud tartu kirjakeele raamid...» (Рамки нормированного тартуского литературного языка).

Второй период, по С. Тоту, длился немного более двух столетий, а вот третий — лишь восемь лет (1906—1913). Возникает вопрос, надо ли выделять столь короткий отрезок времени, к тому же развитие тартуского языка постепенно «сходило на нет» еще во второй половине XIX века (с. 53)? Кроме того, хорошо бы выделить подразделы во втором историческом периоде.

Таким образом, начало последнего периода существования тартуского литературного языка, скорее в виде его «преемников», совпадает с началом Первой мировой войны. Потомками рассматриваемого языка являются, с одной стороны, стихотворения и диалоги на тартуском диалекте, а с другой, вырусский, сетуский и мультгский литературные языки, созданные на ос-

нове южно-эстонских диалектов. Вслед за одним немецким лингвистом, диссертант использует понятие «хобби-язык» (эст. *hobikeel*, нем. *Hobbysprache*). Рецензент считает это понятие в данном контексте неудачным, умаляющим значение языка; к тому же для многих южных эстонцев это не просто любимый досуг, а деятельность, связанная с национальным самосознанием. В конце главы обсуждаются причины отмирания тартуского языка.

В четвертой главе (с. 66—73) диссертант предлагает свои «рамки» тартуского литературного языка: грамматика Гутслаффа (1648) и «Kodolaste raamat» (Книга для домашнего обучения детей, 1913). С точки зрения книговедения, он кратко описывает все известные оригинальные экземпляры названной грамматики, его репринты, рукописные копии и переводы, которые сохраняются в Эстонии, Германии и Финляндии. К сожалению, эстонская ретроспективная национальная библиография упустила несколько книг на тартуском языке начала XX века, но, к счастью, С. Тоту удалось установить два издания книги гимнов (1906; 1908), «Lühikene Tartu keele Palvuse raamat» (Краткий молитвенник на тартуском языке, 1912) и, наконец, «Kodolaste raamat» (1913; 4-е издание). Ему удалось своими находками продлить возраст тартуского литературного языка на восемь лет. О последней находке он пишет как о школьном учебнике (с. 69), тогда как это был учебник для домашнего обучения.¹

¹ По данным В. Раудвассара, автором учебника «Kodolaste raamat» является заведующий Вастселийской приходской школой Александер Ундриц (Aleksander Undritz; 1866—1933), который родился в семье крестьянина в Южной Эстонии (Валгаский уезд, Куйгатская волость) и окончил Тартускую учительскую семинарию. Редактором книги считается пастор Вастселийской церкви Густав Мазинг (V. R a u d v a s s a r, Aleksander Undritz — Vastseliina patrioot. — *Võrumaa Teataja*, 30. XI 2013, с. 4). Эти данные нуждаются в документальном подтверждении.

Небезынтересно добавить, что в 1915 году анонимно была издана книжка (16 с.) «Emakeele helinad» (Звучание родного языка).² Больше половины ее, в том числе декалог, Отче наш и др. (всего 10 с.), напечатано на тартуском языке, остальное на таллиннском. Книжку не надо считать последним печатным изданием на тартуском языке, но она свидетельствует о переходе с одного языка на другой в одном и том же произведении.

Пятую главу работы (с. 74–82) составляют резюме всех семи статей диссертации. Статьи написаны на эстонском, английском, немецком и русском языках. Пять из них в большей или меньшей мере связаны с грамматикой Гутслаффа, т. е. с кодификацией тартуского литературного языка. В них уточнены биографические данные автора, описана вариация его фамилии, рассмотрена рецепция трудов, дана новая этимология слова *Arbia* 'колдун', обсуждены особенности языка и орфографии и т. д. В шестой статье в диахронном аспекте анализируется происхождение суффикса *-ik* для образования слов со значением лиц женского пола (например: *Wen-nik* 'русская'). Седьмая статья посвящена концу второго периода и третьему периоду в истории тартуского языка, в том числе книговедческим проблемам, связанным с Новым Заветом.

В разделе выводов и обобщений (с. 83–84) уделяется внимание концептуальности и смене орфографии (переход со старописьменного варианта на новый). Автор пришел к выводу, что влияние ранней попытки упорядочения языка проявляется в ор-

фографии, а лексика и словообразование остаются народными. Он рассматривает тартуский язык конца третьего периода, с одной стороны, как результат микроглобализации под влиянием северо-эстонского литературного языка, а с другой, как результат макроглобализации под влиянием немецкого и русского языков и культур. Работу завершает солидный список использованной литературы — почти 300 наименований (с. 87–105).

В заключение следует отметить, что Силард Тот значительно обогатил наши знания о тартуском языке и письменности. Его работа содержит много полезного материала для лингвистов, литературоведов, книговедов и др. Отрадно, что автор рассматривает историю тартуского языка отдельно от таллиннского. Автор этих строк надеется, что в недалеком будущем увидит свет многотомное издание «Тартуский диалект и язык», в первый том которого войдет все интересное о тартуском диалекте, городском языке и литературном языке; вторым томом будет словарь, а третьим томом — обстоятельный обзор истории исследования тартуского диалекта и литературного языка. Следовало бы издать и наиболее существенные памятники тартуского языка религиозного содержания с пояснениями и комментариями.

ЭНН ЭРНИТС (Тырванди)

Address

Enn Ernits

E-mail: enn.ernits@emu.ee

² Emakeele helinad, Võru, 1915 (<https://www.digar.ee/arhiiv/et/raamatud/56070>).